

На правах рукописи

Литвин Александр Алтерович

Общественно-политическое движение в Поволжье.
Конец XIX – начало XX в. Российская историография

07.00.09. – Историография, источниковедение и
методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань - 2003

Работа выполнена на кафедре современной отечественной истории
Казанского государственного университета

Научный консультант доктор исторических наук, профессор
И.Р. Тагиров

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
В.В. Шелохаев
доктор исторических наук, профессор
Г.Л. Соболев
доктор исторических наук
Р.У. Амирханов

Ведущая организация Самарский государственный университет

Защита состоится _____ 2003 г. в ___ ч. на заседании
диссертационного совета Д.212. 081. 01. в Казанском государственном
университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корпус 2,
ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И.
Лобачевского Казанского государственного университета

Автореферат разослан _____ 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета _____ Р.Г. Кашафутдинов

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Историки ныне признают, что несмотря на значимость начала XX века для понимания последующей истории страны, это время «не получило всестороннего и достаточно глубокого, а главное – объективного освещения в отечественной историографии». Исследователями был поставлен вопрос о либеральной альтернативе развития страны в начале XX в., возможности её конституционного развития.¹ В конце XIX – начале XX в. возникло большинство российских политических партий и организаций, тогда началась модернизация экономики страны и произошли российские революции, появились сторонники либеральной и радикальной моделей переустройства российского общества. Поэтому так важно выяснить причины недостаточного изучения этого периода истории страны, определить результаты историографических изысканий в контексте трансформации политической конъюнктуры и политических режимов в России. Научная значимость проблемы определяется необходимостью выяснения роли региональной историографии в развитии российской исторической науки.

На протяжении XX столетия российская историческая наука несколько раз была вынуждена менять ориентиры своего развития, т.е. переживать, прежде всего, методологические кризисы. Большевики, став партией власти в стране в октябре 1917 г., исходили из представления о том, что до этого времени историческая наука была в упадке из-за ее методологического несоответствия марксистской идеологии. Тогда приверженцы марксизма стали ярыми сторонниками «классового» деления историографии на «марксистское», «реакционное», «мелкобуржуазное» и иные направления. Заметим лишь, что и марксистская историография, появившаяся в дореволюционной России, длительное время не была единой, т.к. представляла ленинскую, плехановскую или мартовскую точ-

¹ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Искендеров А.А. Закат империи. М., 2001. С.4; Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России. // Вопросы истории. 2002. № 8. С.8.

ки зрения, а после октября 1917 г. постепенно с победой сталинского единомыслия, трансформировалась в идеологический оплот тоталитарного государства.

После распада СССР (1991) и лишения марксистско-ленинской идеологии государственного статуса, советская историческая наука в конце XX столетия вновь оказалась в кризисной ситуации, чтобы в XXI веке попытаться обрести общецивилизационный статус.² Если в первые десятилетия советской власти ликвидировались дореволюционные исторические учреждения и от прежней профессуры требовали проявления лояльности и признания победившей власти, то и в 1990-е годы были закрыты партийные школы и Институт марксизма-ленинизма, реформировались партийные архивы и иные учреждения правящей в советское время партии.

С целью перестройки исторического знания и исследований на марксистско-ленинские методологические позиции уже в 1918 г. большевики национализировали архивы и создали целый ряд научно-педагогических учреждений: Социалистическую академию общественных наук (1918), Институт истории партии и Октябрьской революции (Истпарт. 1920), Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1920), Институт В.И. Ленина (1923), Институт красной профессуры (1921), Коммунистические университеты (1919-1921) и др. Все они имели свои периодические издания и право публикации научных сборников статей.³ Во главе этих учреждений, как правило, стояли большевистские функционеры, не имевшие специального исторического образования. Активное участие в работе этих учреждений приняли уроженцы Поволжья. Так, в первый состав Истпарта (руководитель – М.С. Ольминский) вошли выпускники Казанского университета юрист В.В. Адоратский (1878-1945) и историк С.А. Пионтковский (1891-1937), заместителем директора Института Ленина стал казанский реалист

² Подробнее об этом см.: Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века. // Вопросы истории. 1996, № 4. С. 3-29; и др.

³ Подробнее об этом см.: Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917-1923 гг.). М., 1968; Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки

А.Я. Аросев (1890-1938), Истпроф во второй половине 1920-х гг. возглавил самарец Ю.К. Милонов (1895-1980).

Ныне известно, что все годы советской власти действовала цензура с партийно-государственной монополией на издание документов и тщательным, пристрастным взглядом на публикуемые исследования историков, а также спецхраны. Согласно установленным еще в 1920-е годы правилам, письма и документы Ленина можно было публиковать лишь с разрешения дирекции Института Ленина, позже Института марксизма-ленинизма, а доступ даже к архивам жандармского управления был ограничен.⁴

В начале 1920-х гг. были закрыты историко-филологические факультеты в университетах и восстановлены в Московском университете только в 1934 г., в Саратовском – в 1935 г., а Казанском – в 1939 г., когда восторжествовала единая государственная идеология. В 20-е – 30-е годы советская историография превратилась в политизированную отрасль науки, именно тогда появилась формула о том, что история не наука, а политика, опрокинутая в прошлое. Этому способствовали репрессии против ученых-историков⁵, такие документы, направленные на установление единомыслия угодного правящей элите, как письмо Сталина в журнал «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931), постановление ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (1934) и др.

Вместе с тем, трудно согласится с тезисом об изгнании науки из советской историографии в 1920-е годы,⁶ или формулой Ю.Н.Афанасьева о том, что вся советская историография представляла собой «особый научно-политический

(подготовка кадров историков-марксистов в 1917-1929 гг.). М., 1968; Хорхордина Т.И. История отечества и архивы. 1917-1980-е гг. М., 1994; и др.

⁴ Подробнее об этом см.: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997; Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929-1953. СПб., 2000; Зеленев М.В. Аппарат ЦК РКП(б) - ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000; и др.

⁵ См.: Академическое дело 1929-1931 гг. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993. Вып.1; Дело по обвинению академика Е.В.Тарле. СПб., 1998. Вып.2. Ч.1-2; и др.

⁶ См.: Кривошеев Ю.В., Дворниченко Ф.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века. // Отечественная история. 1994. № 3. С.143-158.

феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей».⁷ Эти заключения не могут быть восприняты, прежде всего потому, что советская историография не была единым целым. В 1920-е годы продолжали публиковаться С.Ф. Платонов, Н.С. Валк и многие другие представители еще дореволюционной исторической науки, в последующие годы свои исследования вели П.А. Зайончковский, А.А. Зимин и др., без фундаментальных трудов которых невозможно представить себе развитие мировой исторической науки. Кроме того, существовала эмигрантская историография, а в пределах СССР диссидентская литература, которые не соответствовали партийным канонам советской историографии. Особо следует отметить развитие региональной историографии, достижения которой в должной мере до сих пор не представлены ни во многих историографических трудах, ни в отдельных исследованиях.

Предметом данного диссертационного исследования являются концепции и положения, содержащиеся в научных трудах по истории общественно-политического движения в Поволжье конца XIX – начала XX в. Это, прежде всего, региональная историография, а также изучение истории общественно-политического движения в дореволюционном Поволжье в различных исторических трудах. Понятие «общественно-политическое движение» многозначно и включает в себя историю политических партий и движений, партийную периодику, а также различные формы общественных и революционных проявлений того времени. Для Поволжья были характерны национальные движения и формы его выражения. В диссертационном исследовании содержится историографический анализ совокупности трудов по обозначенной проблеме, выявляются причины изменения тематики её изучения, смены концепций и взглядов историков. В работе рассматриваются дореволюционные, советские и постсоветские

⁷ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии. // Советская историография. М., 1996. С.37. Подобной точки зрения придерживались и некоторые зарубежные историки. По мнению Дж.Энтина, в советской России «писание истории превратилось в инструмент государственного строительства». // Энтин Дж. Интеллектуальные предпосылки

научные труды, с учетом того, что историография отражала смену различных правящих режимов в истории страны: монархического и постмонархического, советского и постсоветского.

Хронологические рамки исследования определяются развитием историографического изучения проблемы с конца XIX столетия до настоящего времени.

Целью диссертационного исследования является анализ исторических трудов, посвященных истории общественного движения в Поволжье конца XIX – начала XX в., выяснение причин изменения тематики и концепций, определения степени изученности проблемы.

В процессе реализации поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. выявить соотношение в изучении темы общероссийской и региональной историографией;
2. определить тенденции развития региональной историографии на разных этапах развития российской историографии;
3. установить источниковедческую базу исследований, её зависимость от этапов историографических процессов;
4. изучить использование выводов региональной историографии в общероссийских и зарубежных исследованиях;
5. рассмотреть итоги современного исследования проблемы, перспектив и тенденций её последующего изучения.

Научная новизна диссертационного исследования определяется впервые предпринятым комплексным изучением развития региональной историографии как части российской исторической науки, выявлением её специфики посредством анализа различных представлений историков об общественно-политическом движении в дореволюционном Поволжье. Важным представляется выявление воздействия идеологических и политических факторов на развитие региональной историографии.

утверждения сталинизма в советской историографии. – Вопросы истории. 1995. № 5-6. С.151.

В методологическом плане исследование велось, исходя из принципа историзма, предполагающего всестороннее изучение предмета исследования в контексте конкретной историко-политической обстановки создания научных трудов. В диссертационном исследовании широко использовался метод сравнительно-исторического анализа для выявления новых данных, характерных для каждого периода развития российской историографии. Проведение исследования было бы невозможно без использования структурно-системного подхода к историографическим явлениям, т.е. без последовательного изучения взаимосвязи потенциального и реального источникового обоснования, проводимых в разное время научных дискуссий и многих иных факторов, существенно влиявших на развитие исторической мысли в стране, а в данном случае и в регионе.

Основной массив исследуемой исторической литературы относится к советскому времени. Словосочетание «советское прошлое» продолжает звучать для многих тогда работавших историков, не совсем привычно до сих пор.⁸ Но мало кто оспаривает тот факт, что это время – существенная часть истории страны и развития исторической науки. Попытки отдельных авторов отказать ей в значимости и научности, с моей точки зрения, бесперспективны. Как в то время, так и ныне издаются работы разного качества и уровня профессионализма.

Критически оценивая методологические основы прошлых исследований, присущую части из них мифологизацию и явную фальсификацию событий, невозможно игнорировать приводимые в них достоверные факты и основанные на их анализе выводы. В развернувшейся дискуссии между сторонниками эволюционистского пути развития России (Б.Н. Миронов) и его непредсказуемости, особенности (В.П.Булдаков),⁹ более перспективным представляется первый, тесно связывающий историю страны, развитие отечественной историографии с миро-

⁸ Подробнее об этом см.: Советское прошлое: поиски понимания («круглый стол»). // Отечественная история. 2000. № 4. С.90-120; № 5. С.85-104; Елисеева Н.В. Советское прошлое: начало переоценки. // Отечественная история. 2001. № 2. С.93-105; Щербань Н.В. Раздумья о недавнем прошлом: поиски новых подходов. // Отечественная история. 2002. № 3. С.100-114; и др.

вой. Период советской истории и советской историографии – один из завершающихся исторических циклов в истории страны и исторической науки. Это и свидетельство непрерывности исторического процесса, характерного для многих стран.

Историографическое изучение истории России начала XX века происходило в нескольких направлениях. К первому относятся обобщающие историографические труды, в которых исследуется в целом развитие российской историографии в дореволюционное, советское и постсоветское время. Советские историографические работы, как правило, использовали результаты местных исторических изданий иллюстративно, избирательно, часто с целью подтвердить данные собственных концепций и выводов.¹⁰ Мало что изменилось в этом отношении и в постсоветских историографических исследованиях.¹¹ Исключением стало историографическое изучение развития национальной исторической мысли в советском и постсоветском государствах. В них обращалось внимание на негативное отношение к важным национальным проблемам со стороны властных структур, в том числе и в поволжских национальных республиках. Авторы признавали право народов России на создание собственных историй, ссылаясь на требования об этом историков Чувашии, Татарстана и др. Однако, эта тенденция проявилась, прежде всего, в изучении древнейшей истории. Влияние современной политики на создание новых концепций национальной истории при этом не скрывалось. Одним из главных направлений современных работ национальных историков стал их отказ от сталинского принципа «наименьшего зла» для народов при вхождении в состав российской империи, желании стать частью не только отечественной, но и мировой, например, тюркской историогра-

⁹ См.: Российский старый порядок: опыт исторического синтеза («круглый стол»). // Отечественная история. 2000. № 6. С.43-93; Миронов Б.Н. К истине ведет много путей. // Отечественная история. 2001. № 2. С.106-116.

¹⁰ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963-1985. Т.3-5; Историография истории СССР. Эпоха социализма. М., 1982; и др.

¹¹ См.: Советская историография. М., 1996; Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М.,

фии (историки татарского народа)¹² и т.д.

Второе направление историографической литературы составляют исследования по отдельным периодам и проблематике истории России конца XIX – начала XX вв.¹³ В них, особенно в работах, изданных в советское время, внимание уделялось, прежде всего, изучению роли большевистской партии, методам и практике её работы среди населения, всячески подчеркивалась правильность и своевременность действий руководства этой партии. В постсоветской историографии, в том числе и поволжской, наблюдается обратный процесс: стали изучаться партии и движения, стоявшие в оппозиции к большевизму и, по существу, совершенно прекратилось исследование деятельности большевиков. В работах этих двух направлений, рассматриваются преимущественно общие вопросы историографии, с выделением в постсоветских изданиях зависимости исторических исследований от политической конъюнктуры, сложившейся в стране ко времени их написания. Проблемы региональной историографии в них затрагиваются незначительно.

Третья группа используемой литературы относится к изучению сугубо поволжских проблем истории края в конце XIX – начале XX вв. Специальных историографических работ на эту тему немного и они подробно характеризуются в главах диссертации, так же как и историографические обзоры во введениях ко многим трудам. Исследовательскую разработанность историографической проблематики, предложенной в диссертации темы, нельзя признать удовлетворительной, что придает её изучению дополнительную актуальность. Достаточно

1996; Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996; Историческая наука России в XX веке. М., 1997; и др.

¹² Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С.54, 57, 134, 277, 287, 336. По мнению авторов, «национальный историк в условиях советского новоимперства был в известной степени декоративной фигурой» (С.63).

¹³ Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1997; Степанский А.Д. Советская историография внутренней политики царизма в 1905-1907 гг. // Актуальные проблемы советской историографии Первой русской революции. М., 1978. С.256-282; Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945-1955). М., 1988; Сидорова Л.А. «Оттепель» в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997; Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч.2. Историография. М., 2001; и др.

заметить, что и в современных источниковедческих пособиях не рассматриваются специально вопросы, связанные с методологией и методикой анализа историографического источника.¹⁴ Хотя трудно пройти мимо специфики подобного источника, связанного с профессиональной подготовкой автора, степенью его зависимости от политической конъюнктуры, разнообразия привлеченных источников и их источниковедческого анализа.

В связи с этим вопрос о влиянии современной политической конъюнктуры на развитие региональной историографии вполне правомерен. В работах поволжских историков последних лет наблюдается не только расширение тематики и источниковедческой базы исследований, но и определенный ренессанс национальной истории. Можно говорить и о том, что определенный дисбаланс, существующий между западными и советскими историками, примерно со второй половины 1990-х гг. перешел в российские дискуссии между более демократическими и ностальгирующими по советским временам исследователями. Разумеется, ныне и поволжские историки выходят из провинциальной, сфокусированной в советское время на немногих темах и одной концепции историографии, на более широкое понимание происшедших и происходящих историографических процессов. В настоящее время издаются альтернативные концепции истории края и истории народов его населяющих, их исследования становятся более известны исторической общественности. Вместе с тем, наверное, назрела необходимость выделить профессиональную историографию, отделив от неё популистскую литературу, иногда весьма агрессивную в освещении отдельных исторических событий.

В советской историографии с начала 1960-х гг. существовала периодизация ее развития, предложенная М.В. Нечкиной, и исходящая из принципа ее поступательного развития.¹⁵ Ныне, вероятно, следует признать изменение методоло-

¹⁴ Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. М., 1998; и др.

¹⁵ Нечкина М.В. О периодизации советской исторической науки. // История СССР. 1960. № 1. С.77-105; Она же. К итогам дискуссии о периодизации советской исторической науки. // История СССР. 1962. № 2. С.57-78.

гических принципов исторического исследования основными вехами историографической периодизации: дореволюционная (до октября 1917 г.), советская (до 1991 г.), постсоветская. Разумеется, в каждом периоде есть свои отдельные этапы, связанные с тематикой настоящего исследования. Они свидетельствуют об определенной преемственности в изучении отдельных сюжетов, или отказа от их разработки в связи с политической конъюнктурой. Следует принять во внимание и замечание С.О. Шмидта, советуемого учитывать при историографическом анализе источниковое обоснование работ и профессионализм исследователей.¹⁶

Отдельные сюжеты истории Поволжья начала XX века рассматриваются во многих краеведческих изданиях, среди которых в советское время приоритетное место занимала история большевистских организаций и революционного движения в крае.¹⁷ К историографическим работам следует отнести, написанные в разное время, многочисленные рецензии на работы по истории Поволжья, труды, ставящие целью проанализировать деятельность таких исторических учреждений как местные Истпарты, различные научные общества, творчество поволжских историков.¹⁸

¹⁶ Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.179.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Циунчук А.Г. Историография социал-демократических кружков Поволжья (1890-е – середина 1930-х гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. МГУ, 1966; Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете в годы советской власти. // Историографический сборник. Изд-во Саратовск. ун-та, 1971. Вып.3. С.3-69; Буравлева В.В. Поволжский период жизни и деятельности В.И.Ленина в советской исторической литературе. Автореф. дисс. канд. ист. наук. КГУ, 1981; Кузьмин В.Л. Историография истории советской Чувашии. Чебоксары, 1977; Литвин А.А. Большевики Среднего Поволжья (1902-1907 гг.). Советская историография. КГУ, 1985; и др.

¹⁸ Литвин А.Л., Циунчук А.Г. Создание и деятельность Татарского Истпарта (1920-1939). // Историография федосеевских марксистских кружков в Поволжье. Казань, 1972; Кабытов П.С. Деятельность самарского и средневожского истпартов по изучению истории первой русской революции. // Большевистские организации Поволжья в революции 1905-1907 годов. Куйбышев, 1977; Шестаков В.А., Кабытов П.С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Изд-во Саратовск. ун-та, 1979; Хабибуллин А.А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878-1917). Автореф. дисс. канд. ист. наук. КГУ, 1979; Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). КГУ, 1998; Зайцев А.В. Исторические учреждения республики Татарстан в 20-30-е годы XX века. Казань, 1998; Гали Б.Т. Щедрый талант. Общественно-политическая

Изданные книги и статьи по историографии отдельных сюжетов истории Поволжья отражают не только степень их изученности ко времени публикации, но и профессионализм авторов, влияние на их творчество современной им политической конъюнктуры. Так, если для работ советского времени основной темой являлась история революционного движения в крае и выявление в нем ведущей роли большевиков, то для 1990-х гг. стало характерным исследование демократических, национальных движений, направленных на свержение самодержавия в России, борьбы народов за равноправие и независимость.¹⁹

Историки отмечали наличие сильных национальных традиций в советской и российской историографии, в основе которых лежала государственность.²⁰ Развал СССР вызвал рост самосознания в национальных республиках, стремившихся решительно покончить с существовавшим комплексом исторической неполноценности. Историки стали создавать произведения, как правило, посвященные народу, или нации, издавна живущим на территории страны, что привело к созданию новых концепций и учебников о их месте и роли в истории России, к переоценке национальных движений на ее территории в конце XIX – начале XX вв. Это, по мысли авторов книги «Национальные истории в советском и постсоветских государствах» (М., 1999), проявилось и в излишней героизации отдельных представителей прошлых национальных движений, в стремлении «удревнить» историю своего народа. С.М. Исхаков, автор раздела этой книги о современной историографии народов Поволжья и Урала, отмечал

деятельность и исторические взгляды Г.Исхаки. Казань, 2002; Шакуров Ф.Н. Развитие исторических знаний у татар до февраля 1917 года. КГУ, 2002; Фаттахова Г.А., Валеев Р.К. Академический центр Татарии. 1920-е годы. Казань, 2002; Астафьев В.В., Галиуллина Д.М., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. КГУ, 2003; и др.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.И., Шелохаев В.В. История политических партий России 1907-1914 годов в советской историографии. // Вопросы истории. 1989. № 4. С.147-161; История национальных политических партий России. М., 1997; Тютюкин С.В. Современная отечественная историография РСДРП. // Отечественная история. 1998. № 6. С.54-64; Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань, 2000; Орлов Б.С. Социал-демократия как объект научных исследований в России. М., 2000; и др.

²⁰ Свак Д. О некоторых методологических проблемах синтеза в «историях России». // Отечественная история. 1998. № 6. С.91; и др.

наличие в советской историографии «татарофобии», искаженных представлений о мусульманских народах и исламо-христианских отношениях. Вместе с тем, он указывал на наличие в ряде работ национальных историков этноцентрических подходов, что ведет к субъективному изложению событий.²¹ Историки даже стали называть начало XXI века «искушение национализмом»...²² Эти процессы в изучении истории народов Поволжья во многом объясняются тем, что до сих пор не написана профессиональная, научная история каждого из них. Создание подобных полноценных исследований способствовало бы пониманию многих вопросов истории национальных республик края.

В последние годы исследователи отказались от такой идеологемы советского периода, как «царская Россия – тюрьма народов», подверглась критике ленинская концепция этапов освободительного движения в России. Ныне несколько изменились традиционные хронологические даты этих этапов: начало пролетарского не связывается категорично с 1895 г., когда оформился Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и его начало датируется 1890-ми годами в целом. На каждом из этапов современные историки стараются рассматривать освободительное движение в России с дополнениями социально-экономических реалий той поры, т.е. разночинский – с периодом домонополистического капитализма, пролетарский – с его империалистическим развитием и т.д.²³

Рассматриваемые работы позволили выявить общие и специфические тенденции в изучении проблемы, найти точки соприкосновения в историографических оценках, а также выявить дискуссионные вопросы, возникшие при её исследовании.

²¹ Подробнее о названной книге см. в рец. В.И.Котова - Отечественная история. 2001. № 5. С.197-203.

²² Буховец О.Г. Клио на пороге XXI века: искушение национализмом... // Вопросы истории. 2002. № 3. С.147-158. По мнению автора статьи, национализм «явился главным идейным и политическим орудием, потрясающе по историческим меркам быстро покончившим с соцлагерем». Так были ликвидированы три федерации: СССР, Чехословакия и Югославия – 23 республики с населением почти в 330 млн. человек (С.148).

Источниковую основу диссертации составляют историографические источники (примерно 1000 наименований), подвергнутых научному анализу в соответствии с предлагаемой периодизацией развития российской исторической науки. В каждом разделе историографические источники рассматриваются в совокупности с документальными публикациями и мемуарами, что позволяет характеризовать состояние исторической науки по изучаемой проблеме в целом. Преимущественно это труды российских авторов, написанных в разное время. Все они в разной степени посвящены непосредственно общественно-политическому движению в Поволжье в конце XIX – начале XX вв., часть из них написана и издана в то же время, другие – в советскую и постсоветскую эпохи.

Основную группу этих историографических источников составляют крупные монографические и диссертационные исследования, научные статьи, наиболее полно характеризующие степень изученности проблемы на каждом этапе развития историографии. В них специально или в связи с решением иных научных проблем рассматриваются вопросы о революционном и общественном движении в крае, национальных организациях, политических партиях и т.д. Для более полной характеристики историографических итогов используются материалы научных конференций, рецензии, а также такой специфический жанр советской историографии как её критическое направление в адрес трудов западных историков, объединенных в советскую пору в общий цикл работ под рубрикой «критика буржуазных фальсификаторов».²⁴

Группу источников составляют документальные сборники и опубликованные мемуары участников событий. Анализ подбора документов, зачастую их тенденциозная направленность при освещении отдельных специфических со-

²³ См.: История России XIX – начала XX вв. Учебник для исторических факультетов университетов. М., 2000; и др.

²⁴ См.: Зырянов П.Н., Шелохаев В.В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976; Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983; Абдуллин М.И. Сражающаяся правда. Критика буржуазных концепций развития социалистических наций Поволжья и Урала. Казань, 1985; и др.

бытий, признаки редактирования документов, или неполная публикация позволяют выяснить научный уровень исследований на каждом этапе изучения. При работе с воспоминаниями учитывалась их вариантность, влияние на авторов политической конъюнктуры и зависимость от исторических исследований.

В работе использованы также различные неопубликованные документы из фондов центральных и местных архивохранилищ. Это личные фонды сотрудников местных и центрального Истпарт, лиц, связанных с участием в общественной и революционной деятельностью в Поволжье в начале XX столетия. Изучению подверглись следующие архивные фонды: В.В. Адоратский – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), Ф. Р-332; Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.559; Ю.К. Милонов – ГАРФ. Ф. Р- 9473; Н.Е. Вилонов (1883-1910) – РГАСПИ. Ф.455; В.М. Молотов (Скрябин. 1890-1986) – РГАСПИ. Ф.1770; Тихомирнов В.А. (1889-1919) – РГАСПИ. Ф.154; Н.Е. Федосеев (1869-1898) – РГАСПИ. Ф.156. А также фонды: Всесоюзное общество старых большевиков (РГАСПИ. Ф.124); Истпарт (РГАСПИ. Ф.70); Редакция журнала «Пролетарская революция» (РГАСПИ. Ф.72); Отдел истории партии Татарского обкома ВКП(б) (Истпарт). Казань. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее ЦГА ИПД РТ). Ф.36; Казанское губернское жандармское управление. – Национальный архив республики Татарстан (далее НА РТ). Ф.199.

Фонды личного происхождения содержат переписку с родными и друзьями, письма, направленные в адрес отдельных учреждений, рукописи отдельных работ, фотоматериалы, автобиографические заметки, личные документы и т.д. Среди них следует выделить, хранящиеся в личном фонде Адоратского (РГАСПИ. Ф.559) его дневники, записные книжки, позволяющие глубже понять мировоззренческую эволюцию автора. Иначе выглядят дневники Вилонова (РГАСПИ. Ф.455) с введенными в них конспектами из работ К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского, Н. Добролюбова и В. Белинского по вопросам экономики и права (1905). Они характеризуют политические интересы автора и по

приведенным в дневнике цитатам можно судить, какие именно вопросы волновали его тогда. В личном фонде Молотова хранятся его письма казанским реалистам и его соратникам по революционной деятельности А.Я. Аросеву (1911, 1915), В.А. Тихомирнову (1910, 1913), а также аттестат об окончании Казанского реального училища (1908), ряд копий донесений Казанского жандармского управления о нем (1908-1909). Аттестат об окончании этого же училища хранится в личном фонде В.А. Тихомирнова (РГАСПИ. Ф.154). Там же находятся переписка о получении им отцовского наследства, письма Молотову (1913) и родным (1914). Письма родным, а также в адрес П.П. Маслова (1894), Н.К. Михайловского (1893-1895), документы различных жандармских управлений о революционной деятельности Н.Е. Федосеева, хранятся в его личном фонде (РГАСПИ. Ф.156). В личном фонде Ю.К. Милонова (ГА РФ. Ф.Р-9473) не удалось обнаружить документов о его дореволюционной деятельности, кроме автобиографических работ с упоминанием об этом, написанных позже (1937, 1973). В фонде Всесоюзного общества старых большевиков хранятся личные автобиографии, рекомендации видных деятелей большевистской партии, позволяющих стать членами этого общества. Это – отдельные данные, связанные со вступлением в члены общества казанцев В.В. Адоратского, А.Я. Аросева, А.И. Догадова и многих других.²⁵

В фондах Истпарта и его поволжских отделений хранятся многие документы, воспоминания, листовки и прокламации, рукописи отдельных работ, посвященные дореволюционной деятельности, прежде всего, большевистских организаций. Так, в фонде казанского Истпарта (ЦГА ИПД РТ. Ф.36) находятся листовки и прокламации местных социал-демократов, эсеров и бундовцев (1902, 1904-1907), послужные списки и наградные листы на офицеров царской армии за

²⁵ Разумеется, многое из написанного авторами собственных биографий в начале 1930-х гг., подлежит критической проверке. Так, при вступлении в общество, Аросев писал его председателю Е.М.Ярославскому 5 июля 1933 г. о том, что эсером никогда не был и будучи учащимся Казанского реального училища только увлекался философией Михайловского и Лаврова, а также «героическим террором эсеров». // РГАСПИ. Ф.124. Оп.1. Д.80. Л. 42. Но в автобиографических работах начала 1920-х гг. Аросев писал о том, что короткое время в

1911-1916 гг. и многие другие материалы. В фондах Казанского жандармского управления содержатся многочисленные данные об арестах и ссылках участников революционных и общественных движений, их нахождении под гласным надзором полиции. Так, сообщалось, что под таковым в селе Никифоровка Тетюшского уезда Казанской губернии в 1915 г. состояла В.Н. Фигнер.²⁶ Материалы фондов Департамента полиции и Штаба отдельного корпуса жандармов достаточно полно освещены в исторической литературе. Историки едины во мнении, что эти документальные материалы являются ценным источником по истории революционного и оппозиционного движения в России конца XIX – начала XX вв.²⁷ Множество из них находятся в фондах жандармских управлений поволжских губерний. В работах историков они используются, но, к сожалению, без достаточного определения подлинности и достоверности каждого из них.

Таким образом, выводы, наблюдения и положения диссертации основываются на анализе разнообразных источников, что позволяет воссоздать относительно объективную историю развития исторических знаний по изучаемой проблеме.

Практическая значимость. Материалы диссертационного исследования, его положения и выводы могут быть использованы при создании обобщающих историографических работ, при разработке соответствующих учебных курсов.

Казани стоял на эсеровских позициях и даже полемизировал по этому поводу с Молотовым. // Аросев А. Как мы вступали в революционную работу. (1905). М.-Л., 1926. С.29.

²⁶ НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д. 3483. Л.313. О пристальном внимании осведомителей III отделения к «вредным настроениям» в разных губерниях страны, свидетельствует и записка известного жандармского провокатора Ю.Балашевича (Потоцкого) в начале 1860-х гг. отметившего наряду с распространением герценовский изданий в Москве и «неблагонамеренные действия казанских семинаристов». // Абакумов О.Ю. У истоков заграничной политической провокации. – Вопросы истории. 2002. № 5. С.135. В фонде канцелярии Казанского губернатора отложилось дело о «гласноподнадзорном бывшем студенте Петроградского университета» В.Э.Кингисеппе, прибывшим в Казань в феврале 1915 г. Там же, а также в фонде Совета Казанского университета (НА РТ.Ф.977. Д.33950) находятся материалы о пребывании в Казани А.И.Рыкова (1901).

²⁷ См.: Перегудова З.И. Источник изучения социал-демократического движения в России (материалы фонда Департамента полиции). // Вопросы истории КПСС. М., 1988. № 9. С. 88-100; она же. Политический сыск России (1880-1917). М., 2000. С.7.

Структура работы обуславливается поставленными целью и задачами. В ее главах последовательно рассматриваются дореволюционная, советская и постсоветская историография общественно-политического движения в Поволжье конца XIX – начала XX вв., хронологически небольшого, но весьма важного периода в истории жизни страны и края. Диссертация включает в себя введение, три главы, заключение, а также список источников и литературы.

Апробация результатов исследования осуществлялась на многих университетских, межвузовских, республиканских и всероссийских конференциях в 1983-2003 гг. Основные положения и выводы изложены автором в двух монографиях и ряде статей общим объемом около 40 п.л.

Основное содержание диссертационного исследования. Выводы.

Во введении обоснованы актуальность, научная и практическая значимость темы, определены объект, методы, цель и задачи исследования, характеризуются использованные в работе источники и литература.

Глава 1. – «Дореволюционная историография» состоит из двух параграфов. Российской дореволюционной историографии присущ широкий спектр мнений, когда о политических движениях и партиях писали разные по своему положению и взглядам авторы. Среди них были профессиональные историки, активные деятели либерального и социалистического движений, представители охранительных органов и др. Разумеется, политические движения в Поволжье занимали в этих произведениях незначительное место, более того, часто служили лишь иллюстрацией того, или иного рассматриваемого сюжета. Поэтому, с одной стороны, говорить о каком-либо основательном изучении проблемы в дореволюционной историографии не приходится, а с другой – следует констатировать, что таковые движения в Поволжье в то время были столь значительны, что без их упоминания не обходились авторы многих аналитических и исторических работ. В то же время формировалась источниковая база исследований: были опубликованы программы партий и объединений, протоколы партийных съездов и конференций, заметки участников событий, периодика, сте-

нограммы заседаний фракций Государственной думы с выступлениями поволжских представителей, во многих архивах сохранились данные полиции и жандармских управлений с протоколами допросов арестованных революционеров и обзорами политических движений в стране и т.д. В начале XX в., особенно в годы революции 1905-1907 гг., в России появилась массовая, легальная партийная и национальная печать.

Первая глава состоит из двух параграфов: «История политических организаций» и «Революционные и национальные движения». В них характеризуются первые работы по истории политических партий и организаций в стране, в которых освещается и их деятельность в поволжских губерниях (В.П. Акимов, Н.Н. Батулин, Ф.И. Дан, М.Н. Лядов, Ю.О. Мартов, П.П. Маслов и др.), а также характеризуются рабочие и крестьянские выступления (Б.Б. Веселовский, В.П. Обнинский, А.П. Энгельгардт и др.). В главе подчеркивается важность изучения источников: статистических данных, эпистолярного наследия, протоколов заседаний различных национальных съездов и программ национальных политических организаций, периодики, в том числе и на языках народов края, мемуаров и дневников.

Дореволюционная историография политических партий и движений в Поволжье невелика, её место в общих работах – избирательно. Но в изданных тогда трудах содержатся интересные факты, документы, которые стали источниками для современной отечественной историографии. В дореволюционной историографии зародилась тематика последующих исследований, в том числе и проводимых с классово-большевистских позиций. Книги и статьи, написанные в ту пору, разнообразные документы, опубликованные в то время, или хранящиеся в архивах, составили источниковое обоснование последующих исследований.

Поволжье было местом рождения или началом революционной деятельности таких крупных и разноплановых политиков XX столетия как В.И. Ленин, А.Ф. Керенский, В.М. Чернов, лидеров национальных движений (М. Вахитов, Г. Исхаки, С. Максудов, М. Султан-Галиев и др.), активных участников терро-

ристической борьбы с царизмом (студенты Казанского университета С. Балмашев, Д. Каракозов, В. Осипанов, выпускница Родионовского института благородных девиц в Казани В. Фигнер и др.). Разумеется, это обстоятельство также привлекало внимание историков и политологов к этой проблеме. Характерным было и другое: дореволюционная историография значительное внимание уделяла революционным событиям в крае. Именно эта проблема стала приоритетной для советской историографии.

Вторая глава, посвященная советской историографии, состоит из трех параграфов: «1920-е – начало 1930-х гг. Утверждение новой концепции», «Середина 1930-х – 1950-е годы. Единомыслие», «1960-е – 1980-е гг. Попытки отхода от догматических схем». В 1920-е годы центром изучения истории политических партий и движений в дореволюционной России стал Истпарт (1920) и его поволжские отделения, чуть позже превратившиеся в историко-партийные отделы областных комитетов большевистской партии. Тематика работ поволжских Истпартов в те годы мало чем отличалась, ведь перед ними стояла единая задача – показать революционное движение в крае и ведущую роль в этом движении рабочих и большевиков. Истпарты (Истпартотделы), функционирующие в национальных республиках Поволжья, отличались от областных наличием национальной тематики, изучением национально-освободительных движений. Наряду с Истпартами изучением истории дореволюционного Поволжья в 1920-е годы занимались различные научно-краеведческие объединения при Казанском и Саратовском университетах, наркоматах просвещения автономных республик.

В публикациях 1920-х гг. по истории дореволюционного поволжского общественного движения приоритет отдавался изданиям отдельных документов по истории рабочего движения, профсоюзов, социал-демократии и марксистским кружкам, известным персоналиям, фондовые публикации отсутствовали. Издаваемые в то время документы, воспоминания, произведения сотрудников Истпарта и других научных учреждений достаточно тенденциозны. Они, как правило, отражали текущую партийную политику, подбирая для этого фактиче-

ский материал. В этом плане 1920-е годы стали временем создания многих легенд о прошлом, делая историков чрезмерно зависимыми от политической конъюнктуры. С другой стороны, тогда проводилась огромная публикаторская работа по изданию многочисленных документов и мемуаров, посвященных различным аспектам революционного и общественного движения, в том числе и в Поволжье.

Поволжская проблематика была в ту пору довольно широко представлена в общих работах (иллюстративно) и во многих местных изданиях. Наиболее полно находило в них отражение общественное движение в крае до 1903 года, до появления фракций в РСДРП, а также значительное внимание уделялось решению большевиками интернациональных задач в многонациональном Поволжье. Публикация большевистских документов и мемуаров представителей правящей в стране партии в Поволжье оказала большое воздействие на труды историков. Вместе с тем, в документах и воспоминаниях, опубликованных в начале 1920-х гг. содержались сведения о совместной работе комитетов РСДРП и эсеров, особенно в годы Первой российской революции. Позже эти сообщения историками не отмечались.

Поволжские Истпарты в 1920 годы занимались изучением, преимущественно истории местных социал-демократических, большевистских организаций (Н.Н. Знаменский, С.И. Лившиц в Казани, В.Н. Алексеев в Ульяновске, И.И. Блюменталь, В.В. Троцкий в Самаре, Г.П. Саара в Саратове и др.), хотя тогда же были предприняты попытки создать исследования о поволжских меньшевиках, эсерах (М.И. Борисов и др.), национальном движении (Г.Г. Ибрагимов и др.). Все они использовали однотипные источники: периодику, жандармско-полицейские архивные фонды, воспоминания, интервью с участниками событий. Разумеется, с точки зрения современных требований к научным изданиям их работы весьма уязвимы. Но они были первыми в проведении подобных исследований, у них не было аналогов, поэтому их работы остались свидетельством начального этапа изучения проблемы в советское время.

С середины 1930-х гг. развитие исторической науки происходило в сложной обстановке идеологического и репрессивного давления властей. Однако публикаторская работа не прекращалась и выразилась в изданиях листовок и прокламаций поволжских большевиков, особенно отражавших их агитационную деятельность в 1905-1907 гг., рабочее и крестьянское движение против самодержавия. Пик подобных публикаций пришелся на празднование полувекового юбилея Первой российской революции (1955 г.). Работы поволжских историков тех лет объединяла общая тенденция, характерная для советской историографии. Она была выражена в стремлении представить местные большевистские организации главной политической партией, организующей массы населения в до-революционное время. Причем, в отличие от 1920-х гг. эта тенденция не имела тогда альтернативы. В этих работах зачастую отсутствовали упоминания о работах предшественников, в связи с репрессиями, резко уменьшилось число упоминаемых участников революционного движения.

В начале 1960-х гг. появились первые очерки по истории поволжских большевистских организаций, а затем сборники документов о ленинском влиянии на их развитие. В то время создалась своеобразная ситуация, когда властями всячески поощрялось изучение большевизма, прежде всего, его позитивной роли в развитии общества, а объективную историю большевизма оказалось невозможной воссоздать без изучения политических конкурентов этого радикального социал-демократического движения, а также из-за цензурного запрета на раскрытия участия в этом движении еще нереабилитированных членов этой партии.

В середине 1950-х гг. наступила либерализация, которая позволила отдельным историкам постепенно отойти от догматов краткого курса «Истории ВКП(б) (1938). Однако, в целом советские историки, в том числе и поволжские, за небольшим исключением (Е.И. Медведев, И.М. Ионенко, И.Р. Тагиров и др.), к пересмотру установившихся положений тогда еще не были готовы.

Историографические работы 1960- начала 1980-х гг. свидетельствуют о том, что основное внимание исследователей было тогда обращено доказательству,

часто неаргументированному, но аксиоматически повторяемому, о решающей роли «ленинского центра» в создании местных (поволжских) социал-демократических комитетов, роли «Искры», II съезда РСДРП в создании партии «нового типа». При этом как-то «забывалось», что редакторами «Искры» были наряду с В.И. Лениным – Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич, А.Н. Потресов, что все члены редакции, за исключением Ленина, позже стали меньшевиками, что создание фракций (большевистской и меньшевистской), например, в Поволжье продолжалось длительное время, и на местах, как правило, функционировали объединенные социал-демократические комитеты.

1970-е – начало 1980-х гг. характерны и активизацией изучения народнических и либеральных партий страны, в том числе и в Поволжье. В соответствии с существовавшими тогда общими положениями, историки края также доказывали, что «мелкобуржуазные» партии в Поволжье подошли к октябрю 1917 г. в состоянии раздробленности, а потому противостоять «монолиту» большевизма не смогли. Однако, отмечая поволжскую специфику, исследователи замечали, что если в центральных районах России союзниками большевиков выступали левые эсеры и меньшевики-интернационалисты, то в Поволжье таковыми являлись анархисты-максималисты, бундовцы и другие национальные организации. В целом изучение дореволюционной истории общественных и партийных организаций в Поволжье в то время не претерпело существенных изменений. По-прежнему в центре внимания исследователей находилась история борьбы большевистских организаций против всех возможных противников. Во многих трудах по-прежнему господствовал цитатно-иллюстративный метод изложения, а найденные вновь архивные материалы использовались для доказательства «правильности» большевистской политики.

Работы поволжских историков той поры создавались в русле господствующего тогда идеологического курса и не отличались большой оригинальностью. Но и в них, как и в общероссийской историографии наблюдалось стремление сохранить в какой-то степени демократическое направление в изучении исто-

рии, порожденное «оттепелью» конца 1950-х гг. В то время поволжскими историками был сделан ряд важных выводов, направленных на выявление определенной самостоятельности решений местных партийных организаций, а не их жесткое централизованное подчинение, как об этом писали историки 1930-х – 1950-х гг. Теперь исследователи истории национально-освободительного движения стали выделять в нём демократическое направление, а не рассматривать как единое целое и т.д. Эти выводы стали свидетельством прорыва из прежнего догматического восприятия прошлого.

Третья глава, посвященная современной историографии, состоит из двух параграфов: «Политические партии и общественные организации» и «Национальные движения и национальные организации». В начале 1990-х гг., после развала СССР, отмены идеологического диктата КПСС и ликвидации политической цензуры историки обратились к изучению традиций дореволюционной российской историографии, в том числе и к состоянию историографических разработок в регионах страны. Это стало временем создания национальных историй. В результате демократизации российского общества в конце XX в. существенно обогатилась источниковая база, изменилась тематика исследований, началось переосмысление многих историографических проблем, появились альтернативные точки зрения на различные исторические события.

В 1990-е годы резко сократилось, в том числе и в Поволжье, количество работ, посвященных истории большевистских организаций и рабочему классу, значительно больше стали писать о меньшевиках, эсерах, кадетях и черносотенцах. Выводы работ поволжских историков 1990-х – начала 2000-х гг. заметно сблизились со многими положениями авторов начала 1920-х гг. и современных зарубежных исследователей. В тоже время историки более интенсивно, нежели в советское время, стали изучать историю различных общественных организаций, действующих в Поволжье в конце XIX – начале XX в.: земские учреждения и земские комитеты, крестьянские союзы и союзы земельных собственников, организация городского самоуправления и др. Исследователи отмечали, что население края в дореволюционное время не было пассивным и

принимало участие не столько в политической борьбе партий, сколько при защите своих экономических интересов.

Настоящее время показало перенос центра создания исследований по истории российской провинции в места, где сосредоточены основные источники для их проведения. Это особенно проявилось при изучении национально-освободительного движения народов Поволжья и создании истории национальных организаций.

Вопрос о роли дореволюционного национально-освободительного движения в преобразовании страны, значении национальных партий и организаций в её демократизации до сих пор остается предметом многих дискуссий. Думается, что правы те, кто исходит из понимания политического воздействия национального фактора на внутреннюю ситуацию в стране в целом. Работы поволжских историков в своем большинстве изучают именно это положение.

В заключении диссертации подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы.

Дореволюционная, советская и постсоветская историография истории общественно-политического движения в Поволжье рассматривает множество работ, посвященных этой проблеме. Эти труды объединяет общий интерес к революционным движениям, происходившим в крае, отличает - методологический подход к изучению прошлого и тематика. Изучение общественно-политического движения в Поволжье являются частью российской историографии. происходившего.

В конце XIX – начале XX в. создавалась источниковая база последующих исследований: периодика, протоколы партийных съездов и собраний, письма, документы, исходящие из карательных учреждений той поры и т.д. Тогда появились первые работы по истории социалистических партий, национальных движений и их организаций в Поволжье. Появление этих работ свидетельствовало о зарождении двух направлений в освещении истории РСДРП и других социалистических организаций: большевистского и меньшевистского. Важным документальным источником являются публикации программ политических

партий, протоколов различных национальных съездов, в которых активное участие принимали представители различных поволжских организаций. В этих изданиях, так же как и в появившихся тогда книгах и статьях о крестьянском движении, столыпинской аграрной реформе, поволжские материалы использовались иллюстративно. Более подробно их характеризовали труды, специально рассматривавшие решение аграрных проблем в Казанской и Симбирской губерниях, статистические сборники.

Дореволюционная историография проблемы значительное внимание уделяла революционным событиям в крае. Эта же тематика стала приоритетной в советской историографии с уделением основного внимания деятельности большевистской партии в процессе революционного преобразования страны. Изучение либерального и консервативного движений в дореволюционной России в ту пору мало кого интересовало (М.В. Нечкина). Подобное наблюдалось и при изучении общественно-политического движения в Поволжье. Первые научно-исследовательские советские учреждения: Истпарт, Институты К. Маркса и Ф. Энгельса, В.И. Ленина занимались изданием их произведений, историей РСДРП, прежде всего большевиков и Октябрьской революции.

В 1920-е – начале 1930-х гг. были опубликованы в Поволжье сборники документов и воспоминаний. Значительная часть публикаций представляла собой извлечения из полицейских архивов, свидетельствующих о функционировании социалистических организаций, их пропагандистской деятельности и карательной политике по отношению к ним властей. В те же годы были сделаны попытки создать обобщающие произведения по истории Казанской, Саратовской и Нижегородской организаций РСДРП, выяснить степень влияния большевизма среди крестьян, студенчества и национальных организаций края.

В 1920-е – начале 1930-х гг. в советской историографии проявилась тенденция отбора, селекции публикуемых источников и соответственно её отражения в книгах и статьях. Естественно, что авторы общих работ основывались преимущественно на материалах, хранящихся в московских и питерских архивах, историки края – на документах, хранящихся в местных архивах. Большое воз-

действие на исследования той поры оказали мемуары участников событий. Они были достаточно субъективны, но не всегда становились предметом историко-источниковедческой критики. Однако именно они стимулировали возникшие в 1920-е годы в поволжских Истпартах дискуссии о времени возникновения социал-демократических организаций, их взаимоотношении и взаимовлиянии с народническими или эсеровскими группами и т.д. Воспоминания содержат ценные данные о личностных и межпартийных отношениях, собственных впечатлениях о пережитом. Можно лишь сожалеть о том, что все поволжские воспоминания тех лет не собраны воедино и не проанализированы. Особенностью мемуаров тех лет следует считать содержащиеся в них факты совместной работы большевиков с меньшевиками и эсерами. В то время, как правило, под эгидой сотрудников Истпартов создавались очерки по истории рабочего, крестьянского и национально-освободительного движений в крае, изучалась работа различных политических организаций, главным образом большевистских, среди солдат Казанского военного округа. Вместе с тем, именно в 1920-е годы правящая партия в стране стала готовить общественное мнение к официальному восприятию прошлого в соответствии со складывающейся политической конъюнктурой. Это нашло отражение, в том числе, и в работах по изучению истории общественно-политического движения в Поволжье в конце XIX – начале XX в.

Со второй половины 1930-х гг. произошло изменение тематики исследований и кадров историков. Тогда стали сравнительно быстро развиваться локальные издания, особенно связанные с влиянием на местах Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и большевизма, а также революции 1905-1907 гг. С конца 1950-х гг. изучение истории общественного движения было сведено к написанию очерков местных большевистских организаций, создаваемых в контексте с многотомной историей КПСС. Тогда были опубликованы многие работы о создании местных комитетов РСДРП, особо подчеркнута роль Ленина, Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», газеты «Искра», решений II съезда социал-демократической партии в формировании большевистских организаций в Казани, Нижнем Новгороде, Са-

маре, Симбирске, Саратове и Астрахани, а также в ряде уездных городов Поволжья. Значительное число работ было посвящено революционному движению в Поволжье 1905-1907 гг.

Разумеется, все советские годы историки были среди тех, кто обслуживал официальную идеологию. Давно замечено, что труды историков остаются востребованными тем дольше, чем менее они политизированы. Словосочетание «советская историография» ныне хотелось бы понимать как завершение определенного цикла в изучении прошлого страны. Но это оказалось невозможным, учитывая, что нашу современность многие называют постсоветской и живо поколение историков, чьи труды являются частью советской историографии. Переоценка достижений советской историографии предпринималась в годы «оттепели» (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) и «перестройки» (конец 1980-х гг.). В конце 1980-х гг. произошла политическая реабилитация многих участников революционного движения, послужившая основанием для переоценки деятельности многих его хрестоматийных представителей. Так, была подвергнута критике роль В.В. Куйбышева в самарском революционном движении (П.С. Кабытов). Нетрудно заметить, что малейшая политическая либерализация в стране возвращала историков, с использованием более широких документальных обоснований, ко многим выводам начала 1920-х гг., а попытки реанимировать тенденции краткого курса «Истории ВКП(б)» в 1970-е гг. вновь по-своему влияли на создаваемые тогда труды.

Советская историография общественного движения в Поволжье начала XX столетия свидетельствует об исследовательских попытках историков, которые в силу многих обстоятельств так и не дали крупных научных результатов. Изучение развития исторической мысли тех лет является доказательством тенденциозного, дилетантского отношения к прошлому, определенной ущербности существовавшей в те годы концепции развития исторической науки. Тексты исторических произведений той поры ныне стали историческим источником советской эпохи и, естественно, нуждаются в источниковедческой оценке. Они ясно дают понять, что без понимания прошлого невозможно предвидеть буду-

щее. В 1970-е - первой половине 1980-х гг. главным в освещении истории общественного движения по-прежнему признавалась борьба В.И. Ленина и большевиков за власть и противодействие всем другим политическим силам, особенно тем, кто этому противостоял. Тем более, что для историков Поволжья изучение революционной деятельности В.И. Ленина являлось традиционной проблематикой: семья Ульяновых проживала в Поволжье, Ленин учился в Казанском университете, работал в Самаре и т.д.

Важным представляется разработка в то время истории эволюции различных земских учреждений в дореволюционной России (Г.А. Герасименко) и выводы об общем и особенном в аграрном развитии Поволжья начала XX в. (П.С. Кабытов), давших экономическое обоснование для изучения крестьянских общественных движений. Работы поволжских историков той поры создавались в русле господствующего тогда официального идеологического курса и не отличались большой оригинальностью. Но и в них, как и в общероссийской историографии наблюдалось стремление сохранить в какой-то степени демократическое направление в изучении истории, порожденное «оттепелью» конца 1950-х гг.

В постсоветское время резко изменились содержание и тематика многих исторических работ. Российские историки, в том числе и поволжские, по существу прекратили исследования, связанные с историей большевизма в крае. В 1990-2000-х гг. внимание исследователей сосредоточилось на изучении истории правых, левых и национальных партий и организаций. Речь не шла о переписывании истории. Советская историография весьма субъективно и тенденциозно освещала историю общественно-политической жизни дореволюционной России и важно было установить истинное положение в изучении и этой проблемы. Конечно, при этом не всегда удавалось избежать новой политико-исторической мифологии. Однако, появление работ, основанных на анализе ранее неизвестных, или малоизвестных источников, стремление деполитизировать интерпретацию фактического материала, делают эти работы все более аргументированными.

Естественно, что в последнее десятилетие происходило освоение тематики, в советское время практически малоизученной или в силу идеологических причин просто недоступной, и научное переосмысление написанного обществоведами и историками. Они исходили из принципа: прошлое изменить нельзя, его можно по-разному интерпретировать, объяснить, но это возможно лишь на основе критического анализа всевозможных источников. Ныне исследователи приобрели возможность избирать интересующую их тематику и свобода выбора обещает новые интересные исследования и по интересующим нас проблемам. С начала 1990-х гг. внимание историков Поволжья сосредоточилось вокруг изучения проблемы многопартийности в России (поволжском крае) и национальных движениях, партий и организаций. Выводы поволжских историков в последние годы весьма сблизились со многими заключениями зарубежных исследователей подобной тематики (Д. Кип, Д. Рейли и др.), особенно в освещении деятельности меньшевистских, эсеровских и кадетских и правых организаций в крае. Заметно интенсивнее поволжские историки в последние годы стали изучать историю различных общественных организаций, земство, проблемы городского самоуправления, крестьянских и национальных объединений. Расширение тематики способствовало изучению проблем, рассматриваемых в советские годы с сугубо классовых позиций. Это относится к изучению истории поволжского дворянства (Е.П. Баринова), мещанства (В.М. Бухараев) и их сословных организаций.

1990-е годы ознаменовались для многонационального Поволжья появлением множества работ, особенно в национальных республиках края, по истории каждого проживающего в них народа и национальных партий и организаций. Важным для национальной историографии стало осознание вклада своего народа не только в российскую, но и мировую историю. Вопрос о роли национально-освободительного движения в преобразовании страны, значении национальных партий и организаций в её демократизации до сих пор остается предметом дискуссий, что, естественно, отражается в работах историков. Думается, что правы те, кто исходит из понимания политического воздействия нацио-

нального фактора на внутреннюю ситуацию в стране в целом. Работы поволжских историков в своем большинстве изучают именно это положение.

Поволжье начала XX столетия относилось к многонациональным регионам страны, где наблюдались процессы ассимиляции, компромиссные отношения центра и периферии, где общественно-политическое движение обладало целым рядом специфических черт. Это сказалось, в первую очередь, на тематике региональной историографии. В этом её основное отличие от большинства общероссийских и западных работ, уделявших основное внимание общественно-политическим движениям в Петербурге и Москве и использовавших происходящее в то же время в российской провинции для иллюстрации своих выводов.

В конце XIX – начале XX в. оппозиция самодержавному режиму в России зрела повсеместно, что выразилось в создании многочисленных политических партий и общественных организаций, в выступлениях рабочих и крестьян, протестах интеллигенции, национально-освободительном движении. Политический режим российской империи, её экономика и культура в силу многих исторических обстоятельств отличались от западноевропейских. В России радикальные политические партии и организации пользовались популярностью среди различных слоев населения. Это проявлялось и в Поволжье, где всегда была большая социальная напряженность в связи с неспособностью властей удовлетворить минимальные потребности многих жителей региона.

В 1990-2000-е годы российская историография вновь, как и в самом начале XX столетия, стала существенной и важной частью мировой исторической науки. История Поволжья начала ушедшего века по-прежнему остается предметом изучения для российских и зарубежных историков. Анализ имеющихся работ показывает, что начавшаяся комплексная разработка многих проблем и этой тематики, несомненно приведет к созданию многих новых исследований. Конец XX – начало XXI вв. знаменовал переход российской исторической науки на новый качественный уровень своего развития. Это проявляется и в том, что исследования поволжских историков стали основными при изучении

истории края, менее зависимыми от различных привходящих обстоятельств, превратившись в существенную часть российской и мировой историографии.

Основные положения диссертации изложены автором в следующих публикациях:

Монографии:

1. Литвин А.А. Общественно-политическое движение в Поволжье. Конец XIX – начало XX в. Российская историография. Издательство Казанского университета, 2003. 15,19 п.л.
2. Литвин А.А. Большевики Поволжья 1902-1907 гг. Советская историография. Издательство Казанского университета, 1985. 5,8 п.л.

Брошюры, статьи и рецензии

3. Литвин А.А. Документальные публикации о революции 1905-1907 гг. в Среднем Поволжье // Археографический ежегодник за 1982 г. М.: Наука, 1983. 0,3 п.л.
4. Литвин А.А. Новейшая советская историография деятельности большевиков Поволжья накануне 1-й революции в России // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Межвузовский сборник. М.: МГИАИ, 1984. 0,6 п.л.
5. Литвин А.А. Революция 1905-1907 гг. в России. Методическое пособие. Казань: Татарское книжное издательство, 1985. 1 п.л.
6. Литвин А.А. Революция 1905-1907 гг. в Казани // Казан утлары. Казань, 1985. № 2. 0,3 п.л. В соавторстве с И.А. Гилязовым.
7. Литвин А.А. Рецензия на кн.: В.В. Микшин. В.И. Ленин о нравственных началах в создании партии нового типа. Л., 1986. // Вопросы истории КПСС. 1987. № 6. 0,3 п.л.

8. Литвин А.А. Залежский Владимир Николаевич; Лихачев Василий Матвеевич // Борцы за счастье народное. Казань: Татарское книжное издательство, 1988. 0,4 п.л.
9. Литвин А.А. Возвращение (о А.М. Стопани). Казань: Татарское книжное издательство, 1989. 6,5 п.л. В соавторстве с Л.М. Аскеровым.
10. Литвин А.А. Большевики Поволжья в 1905-1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. М.: Наука, 1989. 0,4 п.л.
11. Литвин А.А. Михаил Ксаверьевич Корбут // Возвращенные имена. Казань: Татарское книжное издательство, 1990. 0,3 п.л.
12. Литвин А.А. Освещение взаимодействия большевиков и меньшевиков Поволжья в отечественной историографии // Историческая наука в меняющемся мире. Издательство Казанского университета, 1994. Вып.2. 0,3 п.л.
13. Литвин А.А. Агенты казанской охранки в публикациях историков // Историческая наука в меняющемся мире. Издательство Казанского университета, 1994. Вып.2. 0,3 п.л. В соавторстве с Ш.Д. Шарафутдиновым.
14. Литвин А.А. Общественно-политическое движение в Поволжье начала XX в. в дореволюционной историографии // Республиканская научно-практическая конференция: региональные элиты и общество. Тезисы докладов и сообщений. Издательство Казанского университета, 1995. 0,1 п.л.
15. Литвин А.А. Казанская интеллигенция в общественно-политическом движении в начале XX в. Проблема изучения // Интеллигенция Татарстана в период реформ и революций первой трети XX века. Издательство Казанского университета, 1997. 0,3 п.л.
16. Литвин А.А. Российское общественно-политическое движение и проблема государственности в дореволюционной историографии // История государственности Республики Татарстан и современность. Издательство Казанского университета, 2000. 0,2 п.л.
17. Литвин А.А. Крестьянское движение начала XX века в Среднем Поволжье в трудах Б. Веселовского // Историческая наука в Казанском университете. Издательство Казанского университета, 2000. 0,2 п.л.

18.Литвин А.А. Российская дореволюционная историография политического движения в Среднем Поволжье начала XX века // Историк среди историков. Казань, 2001. 0,4 п.л.

19.Литвин А.А. Казанский университет в начале XX века // Эхо веков. Казань, 2001. № 3-4. 0,2 п.л.